

ЮМОРЕСКА

Генеральная уборка

РАННИМ субботним утром жена уехала к родителям в деревню. Когда я проснулся, на столе лежала записка. «Дорогой мой, любимый Вася, – писала она, – я поехала к папе с мамой помочь им в огороде. Приеду в воскресенье. За время, пока меня не будет, сделай в квартире генеральную уборку. Так как ты писатель и плохо знаешь практическую жизнь, оставляю тебе подробную инструкцию, что и как надо делать:

1. Сходи в ванную.
2. Достань из-под ванной тазик.
3. Поставь тазик в центр комнаты. Потом сходи в туалет, за унитазом достань половую тряпку, опусти тряпку в тазик. Протри пол в комнате. Тряпку и тазик отнеси на место.

После этого можешь делать все, что хочешь. Можешь даже писать свои дрянные рассказы.

Не скучай. Целую, твоя Катя»

Я сделал все, что она велела, и сел писать очередной шедевр. Воскресным вечером приехала жена. Едва войдя в комнату, она уперла руки в бока.

- Ты делал уборку?
- Делал, цыпочка.
- А почему в квартире грязно?
- Не знаю, солнышко. Я выполнил все, что ты написала.

– Где инструкция?

Записка нашлась почему-то в холодильнике, на ней лежал кусок засохшей селедки.

Жена топнула ногой:

– Делай все сначала!

Я принес тазик и тряпку и стал тереть пол. Жена охнула.

– Чудовище! А ты воды в тазик налил?

Я еще раз прочитал записку.

– А здесь не написано – налей воды в тазик!

Жена упала на диван и заплакала.

Я нерешительно потоптался возле нее, погладил по голове, потом вспомнил, что надо заканчивать рассказ, сел за компьютер и начал работать.

ГЕОРГИЙ ГОРА

Дорожный роман

Трасса сама знает, когда и куда тебя вывезти

АВТОСТОПЩИКИ обычно говорят: «Наш драйвер от нас куда не уедет». Настя стояла на этой развилке уже с полчаса, но ее драйвер, видимо, пил кофе в одном из придорожных кафе. По крайней мере, пока ее никто подбирать не спешил.

Впрочем, Настя не торопилась: на трассе торопиться глупо. Она сама знает, когда и куда тебя вывезти. Тем и хороша дорога – каждый раз проживаешь другую жизнь, совершенно не похожую на обычную. Скажи кому в отделе, что менеджер по рекламе с хорошей зарплатой ездит автостопом – пальцем у виска покрутят. Это как наркотик – если уж заболел, то навсегда. Ты никому ничего не должна. Ветер дует свежий, ботинки почти просохли, и вообще жизнь вполне замечательна.

Серебристая иномарка, мчавшаяся на большой скорости, затормозила рядом так внезапно, что Настя вздрогнула от визга тормозов. Она едва успела открыть дверцу, как водитель крикнул «Садись» и рванул с места, едва Настя захлопнула за собой дверцу.

Потом водитель повернулся к ней и спросил хрипло:

- Куда тебе?
- Настя ответила.
- Закурю – не возражаешь?
- Она кивнула.
- Как тебя зовут? – спросил водитель, разгоняя рукой облако дыма.

– Настя...

– А меня Володя, – сообщил он, не глядя на нее.

Какое-то время они молчали, но Настя ловила на себе его оценивающий взгляд. Встретившись с ним глазами, улыбнулась – легко и открыто. У Володи был хороший взгляд. Да и сам он хорош. Лет, наверное, тридцать с небольшим, одет дорого и со вкусом, в машине чисто и не пахнет табачным дымом. Но от нее не укрылись его бледность и испарина, бисеринками проступившая на висках. Болен, что ли? Так зачем за руль сел?

Мимо проносились чахлые березы и чуть тронутые осенней желтизной поля. Настя молчала и смотрела в окно.

– Стопом, что ли, едешь? – нарушил тишину Володя.

Она кивнула.

– Что так? Денег не хватает или по приколу?

– По приколу, – улыбнулась Настя. – Люди хорошие и разные попадают.

– Я тоже ездил, – сказал Володя, раскуривая вторую сигарету. – Давно, правда. Еще пацаном был. Лет уж десять назад.

– Да ты и сейчас не старый, – заметила Настя и засмеялась.

– Тебе сколько? – спросил водитель и снова искоса посмотрел на нее.

– Двадцать пять.

– Замужем, нет?

– Нет.

– И бездетная? – почему-то уточнил Володя.

Настя кивнула.

Как-то принято считать, что если к двадцати пяти не обзавелась мужем и потомством, то – неудачница. Иногда Настя тоже так считала. А временами ей просто не хотелось замуж.

Разговор завязался, они трепались ни о чем, даже выяснили, что живут в одном городе. Володя рассказывал анекдоты, но сам почти не улыбался, и то и дело замечала Настя на себе его оценивающий взгляд. В принципе, к таким взглядам она привыкла, но этот не похож был на остальные – не то недоверчивый, не то удивленный, без обычного мужского желания.

А потом Володя глубоко вздохнул и вдруг сказал – словно в омут кинулся:

– Знаешь... Жену я похоронил... три месяца назад...

– Ох ты... – пробормотала Настя, не зная, что сказать.

– Авария... В такси ехала. Пять лет вместе прожили. Пацану третий год. Сын, значит. Вовка. Владимир – второй.

– Кошмар какой... – прошептала Настя, она смотрела на Володю с жалостью.

– Ты на нее похожа, – хрипло сказал Володя. – Глаза, волосы... фигура... Я как тебя на дороге увидел – чуть в канаву не съехал. Думал – почудилось...

Он снова помолчал.

– Сын теперь у бабки живет, а я вот... мотаюсь.

Жить-то надо на что-то. Он по ночам плачет. А я и рад бы заплакать, да не могу. Натальей ее звали... Таткой... Ташей....

Настя дотронулась до его руки.

– У тебя сын. Тебе жить надо. Ты только не сорвись, ладно?

Что еще она могла ему сказать?

Володя вдруг затормозил – так, что Настя едва не ахнулась лбом о стекло, – и резко повернулся к ней.

– Послушай... Стань моей женой!

– Ч-что?

– Я же говорю – ты похожа на нее. Как две капли воды. Пацану мать нужна. Я зарабатываю, работать не будушь, я тебя беречь буду, только вырасти мне сына, Настя...

У меня никого, кроме Вовки, не осталось. А он мать по ночам зовет. Он еще маленький, он тебя полюбит.

– Володя... – прошептала она, – что ты говоришь. Ты же меня не знаешь совсем...

Какое-то время они смотрели друг на друга. Тишина стояла в воздухе.

Потом Володя отвернулся, снова завел мотор.

– Прости.

Они ехали молча, и Настя все сильнее ощущала жалость к нему, глядя на седые прядки в волосах, то на худую шею, выглядывавшую из воротника рубашки, то на фотографию маленького мальчика, прикрепленную сверху к лобовому стеклу. Замелькали вдоль дороги домики пригорода, потянулись окраинные улицы.

– Куда тебе? – глухо спросил Володя.

– К вокзалу вообще-то. Если по пути...

Подъехав курордному зданию автовокзала, Володя остановился. Глянул на нее.

– Настя, вот, возьми, – вытащил из кармана блокнот, начеркал несколько слов на листе, выдрал. – Это мой телефон и адрес. Если вдруг... звони. Удачи тебе.

Вскинув на плечо рюкзачок, Настя шагала по улице.

Неясное чувство вины грызло ее, хотя – отчего бы?

Вернувшись через неделю домой, она первым делом позвонила по телефону. Развернула измятый листочек, вырванный из блокнота, набрала семь цифр. Подумала, что, наверное, нужно будет купить бананов – для незнакомого пацана по имени Вовка ☹

АЛИНА ЧИНЮЧИНА

ПОЭЗИЯ

«Мы подругами стали с тобою давно...»

ВЕРА БЕЛАЯ родилась в 1958 году в селе Агаповка. Работает учителем музыки в Агаповской средней школе № 2, является руководителем образцового вокального ретро-ансамбля «Звездная страна». С января 2003 года – член литобъединения «Красный яр» Агаповского района и магнитогорского литобъединения «Магнит». Ее стихи входили в коллективные сборники, она – лауреат четырех всероссийских Бажовских фестивалей народного творчества.

К осени

Осень зрелая пристально смотрит в глаза
Так, что взгляд не могу отвести.
«Дорогая моя, что ты хочешь сказать?
Если что-то не так, то прости...

Мы подругами стали с тобою давно –
Все секреты тебе доверяла,
И кленовая ветка стучала в окно,
Чтобы голову я не теряла.

Но тогда я тебя не послушала – нет...
И в любовь, словно в омут с разбега...
Разве нужен был мне твой разумный совет?..
Только радость от первого снега!

И свидания час, чтоб скорее пришел,
И рука, чтоб в руке не застыла...
До чего же тогда было все хорошо!..
Осень, я ничего не забыла!»

Чувства – бритвой
Режут сердце,
Слезы лечат
Не всегда!
От себя
Куда мне деться?
Мне
Со мной –
Беда!

Памяти бабушки моей
Анны Евстигнеевны Ионовой

Проснешься утром – уж гудит печурка,
Растопленная бабушкой меч.
«Вставай, Веруня, хватит спать, дочурка»
И светел лик в сиянии огней,

И в рукомойнике вода налита –
Заботливо согрета в чугунке.
В руках бабули резво пляшет сито,
Будя азарт в котенке и щенке,

И я, скатившись с высоты кровати,
К теплу живому руки протяну...
Мне тех мгновений на полвека хватит,
Лишь только память в детство окуну.

Милый мой,
В чем пред тобой виновата я?
В том, что любила тебя
Как заклятая?

В том, что всю горечь
От слов твоих вынесла?
В том, что в глазах твоих
Так и не выросла?

Все получилось – не так,
Как мечталось.
В сердце твое так и не
Достучалась.

Запер ты сердце на сотню засовов...
Буду стучаться я снова и снова!
Буду боюсь – может, случится –
Я не смогу, а она достучится...

Вовсе не друг, не любящая –
Так....
Та, что решила –
Любовь – пустяк,
Верность – пустяк...

«Кровавый Мэри»

Как у неудавшегося покупателя водки случился первый в жизни привод в милицию

НЕКОТОРЫЕ мужики очень любят футбол. И многие, возвращаясь с игры, иной раз не выдерживают и после матча заходят куда-нибудь это дело обмыть. В некой дружной компании болельщиков издавна повелось после каждой игры задерживаться в одном гастронOME, где находился буфет. Там продавали различные соки, булочки и еще что-то в этом роде. Но для «своих» томатный сок в этом буфете разбавляли водкой, назывался он уже не томатным соком, а в пик у известному коктейлю – «Кровавый Мэри».

Красный цвет надежно закрашивал запретный напиток, которым в буфете, естественно, торговать было запрещено. Но так называемые «посвященные в тайны двора» могли спокойно стоять за стойкой и не менее спокойно «употреблять», закусывая это дело булочкой или еще какой-либо ерундой. И так уж повелось, когда наша команда проигрывала, клиенты, тяжело вздыхая по этому поводу, говорили продавцу: «Мы на службу». И она наливала им в красную жидкость по пятьдесят грамм. А когда «наши» выигрывали, то весело сообщали: «Мы со службы!» Тут им было положено по сто. Так фраза превратилась в пароль. «Я на службу», «я со службы» – и томатный сок сразу разбавлялся горячительной жидкостью.

– Ух ты, как это у вас здорово получается! – восхитился один из «не особо приближенных» в свое время к сему действу товарищ, когда прослышал про эту историю. – Это же блат! Я тоже хочу!

Можно было ему, конечно, взять бутылку и в магазине. Но из-под прилавка интереснее, да и один этот мужичок пол-литра бы не осилил. Особенно ему понравилось название напитка – «Кровавый Мэри».

– Да, пожалуйста... Жалко, что ли... – сказали посетители «интересного» буфета.

– Только пароль скажи: «Мне на службу». И все.

Но любитель нелегальной водки был то ли невнимательным, то ли слишком самоуверенным и отнесся совершенно безалаберно к точности произношения «пароля». Тут вышло как с травкой «сезам». Только в той сказке герой забыл ключевое слово напрочь, а в этой «сказке» клиент все запомнил, но уже неправильно, да так крепко, что ничем не вышибешь. И когда он подошел к прилавку, буфетчица услышала вместо «Мне на службу» совершенно другое: «Я на работу...»

Чтобы буфетчица разбавила сок горячительным, требовалась фраза-пароль

произнесла: «Товарищ, вам не на работу надо, а в больницу специальную или в милицию. Гражданин, прекратите хулиганить. Говорите, что вам конкретно надо, и идите своей дорогой».

– Ах, одним можно, значит, а другим... Тем, что попроше, оказывается, нельзя! – возмутился посетитель. – Эх, вы-ы... Захрились

тут в магазинах ваших и творите, что хотите.

Тут буфетчица и вправду испугалась – на какую «работу» и что ему надо? Ненормальный какой-то...

– Мужчина, мужчина, вы не волнуйтесь. У нас всем можно и все можно... И на работу можно. Даже в конституции записано... Идите на конститат, варите сталь... Катайте лист. Холоднокатанный... Пожалуйста! Имеете право. И кушать можно. Хотите пончик, пирожок?

– Да подавись ты своим пончиком, – обижено махнул рукой неудавшийся покупатель спиртного и собрался уже было уходить.

Но не успел: перед ним стоял сотрудник милиции. Видимо, кто-то из наблюдавших эту сцену решил на всякий случай прибегнуть к помощи исполнительной власти и вызвал милицию.

– Итак, в чем дело? – спросил неудавшегося покупателя милиционер.

– Понимаете, они тут водку продают! – взорвался покупатель. – А мне не наливают!

Конспиратор мужик никакой, мо-

лол теперь полную ерунду, тем более что раньше с милицией никогда не общался.

– Ах, водку ему надо! – возмутилась работница прилавка.

И догадавшись, в чем дело, решила клиента «топить» до конца. Не самой же признаваться!

– То ему «на работу» надо! – воскликнула она. – Меня что ль туда хотел забрать? Теперь вот «водка» какая-то!.. Да пойми ты, дурья твоя башка! – обратилась она к несчастному покупателю. – Это же буфет! Водку продают в штучном отделе! В штучном! Товарищ милиционер, ну объясните вы ему. Видите, что он тут вытворяет? Ненормальный какой-то!

Покупатель молчал. Сказать ему действительно было нечего. Это был буфет, а не штучный отдел... И на «работу» ему или не на «работу», оказывается, никому здесь не интересно. Так у неудавшегося покупателя водки появился первый в жизни привод в милицию. За хулиганство. Хорошо, хоть в психику не забрали... ☹

АЛЕКСАНДР КУДИНОВ

Книги делятся на две половины: те, которых никто не читает, и те, которых никто не должен читать. Генри Луис Менкен